

Между рынком и утопией: либеральные экономисты и начало эпохи Великих реформ

Игорь Христофоров

**Between market and utopia:
Liberal economists and the beginning of the Great reforms**
*Igor Khristoforov (National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia)*

В декабре 1852 г. О. Конт, один из самых ярких последователей А. де Сен-Симона, написал длинное письмо Николаю I. Он предлагал царю публично поддержать и взять на вооружение позитивистскую религиозно-политическую программу. Ни один из западных монархов и политических лидеров, погружённых в борьбу за власть, писал Конт, оказать такую поддержку не в состоянии. У России же для перестройки на позитивистских началах есть все необходимые условия: самодержавие, которое легко и не теряя своей силы превратится в «республиканскую диктатуру», огромные ресурсы, податливое население и давние традиции социальной политики. Последний пункт особенно интересен. «С достойным восхищения постоянством добиваясь отмены крепостного права, Ваше правительство сопровождает его постепенным уничтожением крупных аристократических поместий», – почему-то утверждал философ. Однако эту политику, считал он, надо скорректировать: опыт Запада показал, что «недостаточная концентрация богатств» мешает преобразованию общества. Поэтому крупных земельных собственников надо просто превратить в «промышленных руководителей»¹.

Письмо Конта, судя по всему, не дошло до царя (никто из русских знакомых философа не рискнул взять на себя миссию «почтальона»)². Но если бы Николай I его и прочитал, то, конечно, просто счёл бы автора сумасшедшим. Однако значение этой истории, как мне кажется, выходит за пределы одного из знаменитых «чудаществ» французского философа³. На первый взгляд, письмо Конта вроде бы укладывалось в привычное уже для европейских интеллектуалов изобретение образа «просвещённого самодержца», который создает силою своей воли новую реальность на огромных просторах своей страны – отсталой,

© 2015 г. И.А. Христофоров

Статья подготовлена в ходе выполнения проекта «Трансформация элит и институциональная среда в России Нового времени: источники изучения, междисциплинарные подходы, компаративный контекст» в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2014 г.

¹ *Comte A. Correspondance générale et confessions. T. VI. Paris, 1984. P. 451–473.*

² *Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography. Vol. 3. N.Y., 2009. P. 80.*

³ См. также: *Billington J.H. Intelligentsia and the religion of humanity // The American Historical Review. 1960. July. P. 807–809.*

но зато молодой и готовой к восприятию нового. Для Лейбница таким демиургом был Пётр I, для Вольтера и Дидро – Екатерина. Конечно, Николай I начала 1850-х гг. смотрится в этом ряду реформаторов несколько странно. Но кто мог в 1852 г., предвидеть, что спустя всего несколько лет Российская империя окажется на пороге самых крупных реформ в своей истории, настоящей «революции сверху»? В каком-то смысле Конт (он умер в 1857 г.) оказался пророком. Он, конечно, не имел шансов стать советником императорского правительства. Но «сен-симонистский след» в либеральных экономических реформах начала царствования Александра II всё же обнаруживается.

Данная статья посвящена этому, как представляется, практически неизвестному источнику правительственной идеологии и практики начала эпохи Великих реформ. Экономические решения, принятые правительством в переломный момент «выбора пути» на рубеже 1850–1860-х гг., были крайне важны для её последующего развития. Но чем именно они обусловливались: ситуативными «требованиями момента» или более общим представлением о «стратегии экономического развития»? С какими обстоятельствами была связана переориентация курса правительства от идеологии государственного контроля над экономикой к идеологии свободного рынка?

Общепринятый нарратив на тему экономической политики эпохи Великих реформ и её последствий примерно таков. После Крымской войны в экономической политике России стартовал масштабный «либеральный эксперимент», который имел целью преодолеть глубокую отсталость страны. Реформы диктовались стремлением режима к сохранению международного статуса державы и стабильности внутри страны. Преодоление отсталости символизировалось прежде всего масштабным железнодорожным строительством и отменой крепостного права. Кроме того, «новая экономическая политика» правительства Александра II предполагала либерализацию таможенного тарифа, ликвидацию казённой кредитной системы, отмену многих ограничений в сфере государственного контроля за рынком и т.п. Однако в 1870-х гг. сначала случился мировой финансовый кризис, а затем, благодаря появлению на рынке дешёвого американского зерна, начали падать мировые цены на хлеб – главный продукт российского экспорта. С этого времени либерально-экономический курс подвергался всё более масштабной общественной критике и постепенно был свёрнут. Доктрина *laissez faire, laissez passer* вышла из моды и сменилась мощной протекционистской, патерналистской волной, продолжавшейся по меньшей мере до начала XX в.⁴ При этом экономика страны, как настаивают экономические историки, на всём протяжении второй половины XIX в. независимо от политических факторов развивалась в рамках общеевропейского тренда: это была модель «догоняющего развития». Государство же если и не форсировало индустриализацию, как когда-то считал А. Гершенкрон⁵, то не мешало ей, да и не могло бы этого сделать.

Тенденции экономического развития, как правило, описываются в гораздо более длительной хронологической перспективе, чем та, которую предпола-

⁴ См., например: Степанов В.Л. Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х – первая половина 1870-х гг.) // Пётр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний. К столетию историка. М., 2008. С. 491–512.

⁵ Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. N.Y., 1962; *idem*. Agrarian policies and industrialization: Russia, 1861–1917 // Cambridge economic history of Europe. Vol. 6. Pt. 2. Cambridge, 1965.

гает изучение ситуативной политической конъюнктуры. Картина эта хорошо знакома отечественным историкам: чиновники, экономисты, предприниматели десятилетиями могли о чём-то жарко спорить, менять законы, обличать друг друга, но это почти не влияло на «железную поступь капитализма». Логика тех или иных решений, с этой точки зрения, не так уж и важна. Раз стартовав, процесс экономической модернизации стал необратимым. По авторитетному заключению П. Гэтрелла, «в последнее время в историографии экономического развития Европы... идея непрерывности хозяйственного развития европейских стран в течение длительного времени приобретает всё большее влияние». В этом контексте, считает историк, экономическое влияние Великих реформ «следует оценивать весьма осторожно», поскольку «значимость реформы начинается меркнуть, когда она рассматривается на фоне длительного экономического развития»⁶.

Правомерность анализа такого экономического *longue durée* не вызывает сомнений. Однако не теряются ли при взгляде с «высоты птичьего полёта» многие важные детали, объясняющие не только правительственную политику, но и закономерности институционального развития? Особенно это касается начала эпохи реформ. Какими экономическими соображениями руководствовались «верхи» в конце 1850-х – начале 1860-х гг.? Имели ли разные меры единую экономическую логику? И можно ли вообще применительно к экономической политике правительства говорить о реформаторах как группе, объединённой единством идей и подходов? Если да, то кто входил в эту группу? Формулируя шире – кто в это время принимал решения в сфере экономики? Как очерчивалась сама эта сфера? Несмотря на наличие в отечественной и зарубежной историографии давней традиции изучения экономической политики 1830–1870-х гг., чётких ответов на эти вопросы нет. Не ставя перед собой задачи восполнить этот пробел в рамках небольшой статьи, я хотел бы сосредоточиться на некоторых малоизвестных деталях влияния европейской экономической ситуации и перемен в системе принятия административных решений на экономическую политику российского правительства во второй половине 1850-х гг.

Прежде всего важно отметить, что именно в начале Великих реформ экономическое развитие, пожалуй, впервые в России стало объектом систематического внимания и заботы власти и общества. При этом мода на политическую экономию к тому времени имела уже очень длительную историю. Первые адепты классической (т.е. смитианской) политэкономии появились в России ещё во времена Екатерины II, а в начале XIX в. она уже стала модной в светском обществе дисциплиной. Даже в консервативную николаевскую эпоху политическая экономия располагала в «верхах» определённым доверием, поскольку представлялась убедительным ответом на «социалистические утопии». К середине века она имела репутацию респектабельной и даже несколько старомодной академической науки, преподавалась в университетах и обсуждалась в журналах⁷. Отдельные элементы доктрины экономического либерализма легли в основу целого ряда (неизменно неудачных) финансовых, фискальных и крестьянских реформ первой половины века. Необходимость создания частной крестьянской собственности на землю, замены подушного обложения налогами на имуществ-

⁶ Готрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 107, 124.

⁷ Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М., 1940; Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805–1905. М., 2008. С. 40–148.

во и доход, жёсткой монетаристской политики и развития частного кредита – всё это для части бюрократической элиты было, можно сказать, банальностью.

С другой стороны, основные параметры финансово-экономической политики правительства определялись совершенно иными приоритетами. Эта сфера долгое время находилась под почти безраздельным влиянием знаменитого министра финансов гр. Е.Ф. Канкрин, который несмотря на свою репутацию человека образованного и не чуждого науке⁸, руководствовался в своей деятельности принципами, выглядевшими по европейским меркам 1830–1840-х гг. весьма архаично. Принципиальный противник развития акционерных банков и железных дорог – двух символов новой индустриальной реальности, пришедшей в это время на континент, сторонник постоянного «подмораживания» экономики страны, Канкрин был консерватором *par excellence*. Его приоритеты и образ мыслей импонировали Николаю I, и сколько бы император не ворчал по поводу «скупости» и неподатливости своего министра, доверие к нему оставалось почти непоколебимым⁹. Канкрин стал если не создателем, то олицетворением монументальной, но, как позже выяснилось, очень уязвимой и не имевшей никаких перспектив развития казённой кредитной системы. Государственные «кредитные установления» аккумулировали на своих счетах колоссальные средства, привлекая их под довольно высокий процент, но не имели ни стимулов, ни возможности производительно ими распоряжаться. Государственный долг в итоге рос, причём данные о его размерах были засекречены, а система кредитных установлений оказалась так сложна и непрозрачна, что само правительство не имело о его размерах точного представления¹⁰. Официозные «научные» труды полностью обходили запретный вопрос о состоянии государственных финансов, а иностранные наблюдатели тратили немало сил на гадательные попытки его прояснить¹¹.

В подобных условиях «экономическое» знание в России не могло не быть достаточно отвлечённым, а круг людей, которые им обладали – очень узким. То и другое, собственно, и позволяло политэкономии выживать и в самые мрачные времена правительственной «реакции». Даже после 1848 г. все желающие представители элиты могли достаточно свободно знакомиться с новейшей экономической европейской литературой (единственным реальным ограничением было знание иностранных языков). Как показывают материалы дела «петрашевцев» и позднейшие мемуары, политэкономия была в 1840-х гг. в такой же моде, как десятилетием – двумя раньше немецкая классическая философия. Власть же в это время так и не смогла определиться, считать ли её столь же вредоносной дисциплиной, как философию¹².

⁸ См.: Цвайнерт Й. Указ. соч. С. 162–167; Мондэй К.Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е.Ф. Канкрин). Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004.

⁹ См. подробно: Pintner W.M. Russian economic policy under Nicholas I. Ithaca, 1967.

¹⁰ В 1859 г. члены так называемой Банковской комиссии откровенно признавались: «При нынешнем разъединении банковских учреждений, при разнообразии порядка счетоводства... нельзя было в короткое время исчислить с надлежащей точностью даже нынешние средства [казённых] банков» (РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 329, л. 73 об.).

¹¹ См. образцовую попытку Р. Кобдена времён Крымской войны: The political writings of Richard Cobden. Vol. 2. L., 1867. P. 156–208. См. также: Valera J. Correspondencia. Vol. 1. 1847–1861. Madrid, 2011. P. 288.

¹² См.: Дело петрашевцев. Т. 1–3. М., 1937–1951; Веселовский К.С. Воспоминания // Русская старина. 1903. Т. 116. № 10; Ламанский Е.И. Воспоминания // Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2005. С. 91–96.

В целом же к началу эпохи реформ в столичной учёной и бюрократической среде появился очень немногочисленный круг людей, считавших себя носителями «научного знания» о том, как работает экономика и как государство должно ею управлять. Состав, убеждения и административный «вес» представителей этой прослойки «либеральных бюрократов» (думается, это понятие можно распространить на университетских профессоров и академиков, также находившихся на государственной службе) были очень неоднородны. Немалым влиянием пользовалось старшее поколение «экономистов» (Л.В. Тенгоборский, Ю.А. Гагемейстер, Г.П. Небольсин). Именно они выдвинулись на первый план в определении основных принципов финансово-экономической политики в 1856–1857 гг., т.е. в первые пару лет после начала александровской «оттепели».

Однако уже в 1858–1860 гг. решающее влияние стало переходить к «молодёжи» – в первую очередь к М.Х. Рейтерну, Н.А. Милютину и Е.И. Ламанскому, а также В.П. Безобразову, Н.Х. Бунге, Ф.Г. Тернеру и некоторым другим фигурам «второго плана». Некоторые из них после окончания Крымской войны были командированы в европейские страны для изучения того, как функционируют там экономические и административные институты. Они пользовались ощутимой поддержкой в «верхах» со стороны вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Елены Павловны, которые мало что понимали в политической экономике, но полагались на знания своих протеже¹³.

Но не только эта поддержка обеспечила стремительный рост их влияния. На вторую половину 1850-х гг. пришлось серьёзные перемены в механизмах принятия административных решений и «управленческой культуре» бюрократической элиты. Первые симптомы этого процесса наметились сразу после начала «оттепели». Благодаря работам Л.Г. Захаровой известны «публичные» проявления перемен – совершенно новая для власти риторика «гласности», «прогресса», «профессионализма»¹⁴. Другие сдвиги оказались менее заметны. Так, многие министры второй половины 1850-х гг. имели возле себя нескольких молодых чиновников-«технократов», на чью работоспособность и профессионализм всегда можно было положиться. На такого рода сотрудников была своеобразная мода (за некоторых из них между министрами шла нешуточная борьба). В этих условиях и молодые российские экономисты не могли не ощущать себя членами элитарного клуба, своеобразными миссионерами и культуртрегерами. Модель взаимоотношений начальников и подчинённых в это переломное время тоже очень существенно изменилась. Последние чувствовали себя гораздо увереннее, пытались осваивать новый, менее формальный язык субординации, в соответствии с которым сановник представлял в среде подчинённых как «первый среди равных»¹⁵. Сглаживанию барьеров помог опыт совместной работы в Русском географическом обществе (основано в 1845 г.), где начальники и подчинённые общались как бы вне рамок служебной иерархии. Но самое важное заключалось в том, что прежние делопроизводственные стандарты в это время практически перестали работать. Скорость разработки

¹³ См., например, характерную записку Рейтерна Константину Николаевичу (1857 г.), в которой молодой экономист растолковывал своему покровителю азы финансовой науки: *Рейтерн М.Х.* Докладные записки о финансовом положении России, представленные великому князю Константину Николаевичу / Публ. В.Л. Степанова // Река времён. Кн. 5. М., 1996. С. 177–189.

¹⁴ См.: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права. М., 2011.

¹⁵ *Тернер Ф.Г.* Воспоминания жизни. Т. 1. СПб., 1910. С. 202.

и прохождения решений через инстанции многократно выросла. Поскольку же дела были во многом новы для административной системы, их подготовка в основном сосредоточилась в руках именно «технократов».

В зависимости от опыта службы (а не образования, как можно было бы ожидать) внутри этого кружка выделялись специалисты по разным отраслям государственного хозяйства: кредиту и денежному обращению, налогам, крестьянскому вопросу, таможенным тарифам, промышленности и торговле. Некоторые «экономические истины» считались бесспорными. В вопросе о таможенной политике господствовало фритредерское направление, тогда как «экономический национализм», уже сформулированный к тому времени Ф. Листом, пока ещё казался ересью. Говоря о денежном обращении, мало кто сомневался в том, что его нужно основывать на банковском кредите (заменять казначейские ассигнации банковскими билетами, так чтобы объём денежной массы определялся рынком, а не потребностями казны). Все были едины в том, что «научное» понимание экономики должно быть основано на «новой статистической науке» (создателем которой считался бельгийский математик А. Кетле)¹⁶.

Но по многим ключевым для развития страны вопросам единства не было. Так, большие расхождения существовали по поводу размера земельной собственности: должна ли она быть преимущественно крупной или мелкой? Неясно рисовались перспективы российской экономики. Согласно традиционному смитианскому взгляду на «международное разделение труда», ей следовало оставаться преимущественно аграрной. Этот ортодоксальный взгляд излагал, например, Л.В. Тенгоборский в своей известной книге о производительных силах России¹⁷. Об ускоренной индустриализации для преодоления отсталости пока ещё речи не велось. Однако в конце 1850-х гг. в статьях и записках всё чаще звучала идея, что особого внимания правительства требует не столько само по себе сельское хозяйство, сколько, как бы сейчас сказали, инфраструктура, необходимая для его развития, и прежде всего транспорт и кредит, железные дороги и банки¹⁸.

В том же 1852 г., когда Конт писал своё письмо, а никто в России и не мечтал о реформах, adeпты сен-симонизма Эмиль и Исаак Перейр основали в Париже банк нового типа «Crédit mobilier». Привлекая средства тысяч

¹⁶ См.: Безобразов В.П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. М., 1867; Мандэй К. В.П. Безобразов и русский либерализм // Безобразов В.П. Избранные труды. М., 2001; Бугров А.В. Евгений Иванович Ламанский: жизнь и деятельность // Ламанский Е.И. Избранные сочинения. С. 14–48; Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 71–81, 107–119.

¹⁷ Tegoborski L. Etudes sur les forces productives de la Russie. Vol. 1. Paris, 1852.

¹⁸ Резкая смена отношения к перспективам промышленного развития, отход от прежней догмы ярко проявились в критических примечаниях известного экономиста-фритредера, профессора политэкономии Петербургского университета И.В. Вернадского к его собственному переводу текста Тенгоборского: Тенгоборский Л. О производительных силах России / Пер. с франц., с доп. и изм. Изд. 2. Ч. 2. Отд. 2: О мануфактурной промышленности. СПб., 1858. С. 10, 18, 19. См. также: Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. О важности инфраструктуры (на языке того времени речь шла о «создании условий» и «устранении препятствий») для промышленного развития см.: Гагемейстер Ю.А. Взгляд на промышленность и торговлю России (январь 1857 г.) // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 37–69.

мелких акционеров, братья Перейр инвестировали их не только в биржевые спекуляции, но и в крупные инфраструктурные проекты, прежде всего железные дороги, в том числе за пределами самой Франции. При капитале всего в 60 млн франков обороты банка благодаря масштабному привлечению ценных бумаг других эмитентов (на комиссию при размещении и в качестве залога) были многократно больше. Для того времени эта типичная сейчас практика стала новшеством. В соответствии с духом сен-симонистской доктрины¹⁹, банк «движимого кредита» должен был стать ключевым элементом «нового индустриального порядка», построенного на централизации финансовых потоков и управления инвестициями.

Во многом благодаря деятельности «Crédit mobilier» Франция стала в 1850-х гг. символом стремительного экономического роста и транснационализации капитала. Для русских наблюдателей было особенно важно, что этот рост произошёл в преимущественно аграрной стране в условиях авторитарного политического режима. При этом правительство Наполеона III и сам император непосредственно вовлекались в операции инвестиционного банка братьев Перейр, который оказывался помимо прочего еще и инструментом расширения международного влияния Второй империи. Сен-симонисты – промышленники, банкиры, инженеры – вообще пользовались в это время во Франции огромным влиянием²⁰. Современные экономические историки относятся к роли нового типа банков во французской индустриализации более скептически, чем очевидцы тех событий²¹. Действительно, деятельность братьев Перейр во многом была рассчитана на внешний эффект и кратковременную выгоду, а сам «Crédit mobilier» в чём-то оказался разновидностью «мыльного пузыря». Так, в 1855 г. в качестве дивидендов акционерам было выплачено около 40% годовых – невероятная прибыль! Заметим, что именно анализ операций этого банка в контексте разразившегося в 1857 г. европейского финансового кризиса привёл в 1850-х гг. К. Маркса ко многим существенным выводам относительно противоречий капитализма, балансирующего между организацией и хаосом²².

Учитывая тот факт, что Франция на протяжении всей первой половины XIX в. являлась для России страной-импортёром политико-экономических идей, неудивительно, что русские экономисты следили за её новым опытом с напряжённым вниманием. В 1856 г. Л.В. Тенгоборский издал в Брюсселе очерк о банке братьев Перейр, в котором отмечалась новаторская роль «Crédit mobilier» в экономике²³. Практически одновременно несколько статей на ту же тему опубликовал В.П. Безобразов. В первой из них он достаточно осторожно

¹⁹ Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828–1829. Deuxième Édition. Paris, 1830. См. также: Изложение учения Сен-Симона. М., 1961.

²⁰ Cameron R.E. France and the economic development of Europe, 1800–1914. Conquests of peace and seeds of war. Princeton, 1961; Eckalbar J.C. The Saint-Simonians in industry and economic development // American Journal of Economics and Sociology. 1979. Vol. 38. № 1. P. 83–96; Plessis A. La politique de la Banque de France de 1851 a 1870. Genève, 1985; Yonnet F. La banque saint-simonienne, les «travailleurs» et les «capitalistes»: le projet des Sociétés mutuelles de crédit de 1853 des frères Pereire // Revue française d'économie. 1998. Vol. 13. № 2.

²¹ Sylla R. The role of banks // Patterns of European industrialization: the nineteenth century / Ed. by R. Sylla and G. Toniolo. L., 1991. P. 54.

²² Bologna S. Money and crisis: Marx as correspondent of The New York Daily Tribune, 1856–1857 // Common sense. 1993. № 13/14.

²³ Tegoborski L. Essai sur le crédit mobilier. Bruxelles, 1856.

оценивал перспективы банка, подчёркивая опасность увлечения его учредителей биржевой игрой, несмотря на вроде бы благие «промышленные» цели²⁴. Однако уже в следующей статье экономист, впечатлённый успехами предприятий Перейр и благоприятными отзывами о них в европейской прессе, пришёл к гораздо более оптимистическим выводам об исполнимости задач сен-симонистов: «Передвижение ценностей с одного рынка на другой, призыв капиталов всех государств и народов к общему делу промышленности и, наконец, создание кредитных знаков, не связанных никакими местными условиями обращения, не прикреплённых неподвижно ни к какой земле, – всё это в первый раз является в столь обширных размерах... Соединение враждебных экономических элементов..., ассоциация или товарищество в обширном смысле этого слова – мысль, может быть ещё более богатая»²⁵.

Отголоски социалистических доктрин, заметные в подобных пассажах, не должны вводить в заблуждение: Безобразов оставался на либеральной почве. Под «враждебными элементами» имелись в виду вовсе не «общественные классы» или что-то подобное, а всего лишь интересы различных игроков – создателей и жертв рыночной стихии. Подобным же образом утопизм позднего сен-симонизма заключался не в стремлении к созданию нового общественного строя, а лишь в попытках контролировать эту стихию, направляя её в нужное русло. В XX в. такая политика получила название «дирижизма». Безобразов в целом справедливо увязывал её с французской политической традицией: «Нам кажется, что именно на французской почве – на почве многолетних преданий всякой централизации, всего легче могла вырасти эта мысль»²⁶. Следующим логическим шагом было бы признание актуальности этого опыта в российских условиях, где «предания централизации» были, пожалуй, даже сильнее французских. Но этот шаг был сделан не в процитированных статьях, а в государственной политике.

В том же 1856 г. при активном содействии Тенгоборского брата Перейр стали ключевыми организаторами Главного общества русских железных дорог – международного консорциума, который получил от российского правительства концессию на строительство огромной железнодорожной сети. Конкурирующие проекты группы Ротшильдов и Оппенгейма были отвергнуты. Требуя правительственную гарантию доходов Главного общества, группа Перейр обнадеживала Россию, что она «найдёт в ней мощного компаньона, усилия которого отразились бы прямо и самым действенным образом на финансовых оборотах правительства»²⁷.

Как бы следуя за Наполеоном III, русский император лично стал акционером общества, официальный указ о создании которого последовал в январе 1857 г. А спустя несколько месяцев правительство понизило процентную ставку, выплачиваемую казёнными кредитными установлениями частным вкладчикам. Вкупе с ажиотажем, охватившим в 1857–1858 гг. петербургскую биржу (акции новых компаний скупались моментально и почти без разбора),

²⁴ Безобразов В.П. Движимый кредит // Журнал министерства государственных имуществ. 1856. Т. 59. № 3. Отд. II. С. 85–100.

²⁵ Безобразов В.П. Отчёт Общества движимого кредита во Франции // Там же. № 4. Отд. II. С. 330.

²⁶ Безобразов В.П. Движимый кредит. С. 93.

²⁷ Цит. по: Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 65.

это привело к резкому оттоку вкладов со счетов. Неожиданно для правительства ажиотаж вылился в проблему: неповоротливая кредитная система оказалась просто не готова к подобным шокам. Но лишь в 1859 г., после обострения международного финансового кризиса, ситуация стала восприниматься как угрожающая²⁸. Вслед за европейскими биржами русская рухнула, казна оказалась перед угрозой дефолта, а Главное общество не смогло выполнить своих обязательств и фактически обанкротилось (от формального банкротства его спасли государственные гарантии)²⁹. Надежда правительства на кумулятивный рост иностранных инвестиций при посредничестве Перейр не сбылась. Более того, и во Франции акции «Crédit mobilier» резко упали, и сам банк оказался на грани краха.

В своё время С. Хок показал, насколько большую роль этот финансовый кризис сыграл в подготовке крестьянской реформы³⁰. Как видим, он был спровоцирован вовсе не Крымской войной, а структурными проблемами российской кредитной системы, нерасчётливыми действиями самого правительства и неблагоприятной внешней конъюнктурой. Хок обратил внимание, что в результате кризиса у казны резко сократились возможности финансировать крестьянскую реформу. Однако влияние решений первых двух лет царствования на последующие реформы было гораздо глубже. Ревизии подверглись не только представления о ёмкости и устойчивости финансового рынка и о возможностях европейских инвесторов. Анализ материалов целого ряда межведомственных комиссий показывает, что в 1859–1860 гг. «задний ход» был дан по целому ряду прежних амбициозных начинаний. Во-первых, были полностью пересмотрены первоначальные намерения реформаторов увязать отмену крепостного права с общей регламентацией земельной собственности (что требовало общеимперского межевания, кадастра и фиксации прав собственности). В результате крестьянская реформа не упростила, а наоборот, крайне запутала правоотношения в деревне, а главная её риторическая цель – превращение крестьян в собственников – в принятых законах не просматривалась даже в самой отдалённой перспективе. Во-вторых, оказалась свёрнутой подготовка налоговой реформы (переход от подушного к поземельному обложению). В-третьих, была отвергнута как опасная для стабильности финансов и неисполнимая технически идея приватизации казённой собственности³¹. В-четвёртых, был полностью ликвидирован кредит под залог негородской земли: казна перестала выдавать ссуды под имения, а первоначальные проекты создать на местах ипотечные банки после кризиса всерьёз уже никто не рассматривал³². Наконец, отвергался как слишком оптимистический план создания независимого эмиссионного акционерного Государственного банка по образцу Банков Англии и Франции. Созданный в 1860 г. Государствен-

²⁸ См.: РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 329; *Лизунов П.В.* Создание Государственного банка. Устав 1860 года // История Банка России. 1860–2010 / Под ред. Ю.А. Петрова, С.В. Татаринова. Т. 1. М., 2010. С. 124–130.

²⁹ *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 72–76.

³⁰ *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. С. 95–105.

³¹ См.: *Долбилов М.Д.* Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–33; *Христофоров И.А.* Судьба реформы... С. 134–177.

³² См.: *Проскурякова Н.А.* Ипотека в Российской империи. М., 2014. С. 107–117.

ный банк не имел права эмиссии и напрямую подчинялся Министерству финансов³³.

Список неосуществлённых или направленных в иное русло реформ можно продолжить. Все они были тесно взаимосвязаны, так что отказ от одной вызывал своеобразный «эффект домино». Все нереализованные планы касались создания правовых и финансовых институтов, которые, как считается, создают условия для экономического роста, делают его «самоподдерживающимся». Как уже отмечалось, огромное значение этих институтов было понятно и большинству реформаторов – пусть и не в терминах современных теорий экономического развития. Почему же они так легко поступились тем, что считали важным? Только ли из-за финансовых проблем казны и ограниченности собственных полномочий, как настаивали они сами и считает большинство историков?

Здесь важно отметить, что реальные полномочия реформаторов были обширнее номинальных. Фактически, значительную часть решений по поводу свёртывания упомянутых реформ принимали одни и те же люди – представители молодого поколения чиновников-«технократов». Речь идёт всего о паре десятков людей, которые в той или иной комбинации составляли несколько специальных межведомственных комиссий, готовивших эти решения³⁴. Такая форма принятия решений в значительной степени позволяла обходить традиционную процедуру многократных согласований законопроектов. Это означало, что эксперты имеют возможность направлять ту или иную реформу в нужное русло: ускорить или наоборот притормозить, подвергнуть детальной разработке или набросать в самых общих чертах, подробно обосновать идеологически или не обосновывать вообще. При этом внешне их работа выглядела как техническая. Считалось, что сначала на самом «верху» – как правило, лично император, посоветовавшись с ключевыми министрами – принимает политические решения, а уже потом «исполнители» облачают их в необходимую форму. Однако в реальности «наверху» плохо разбирались в правовых и экономических проблемах, и интересовались главным образом общими контурами, «имиджем» реформ, а также тем, чтобы никто не был ими чрезмерно «обижен» в материальном смысле. Навыки владения риторикой порой позволяли реформаторам убеждать своего главного адресата – царя – в том, что то или иное решение – единственно возможное и справедливое³⁵.

Сказанное, разумеется, не означает, что существовавшие у реформаторов возможности воздействия на принятие решений были безграничны или работали во всех случаях одинаково. Кроме того, они, конечно, ограничивались огромными объективными трудностями, стоявшими на пути реформ. Но почему, настойчиво добиваясь своих целей в одних эпизодах, реформаторы забывали о собственных доктринальных установках в других? На мой взгляд, ключевым здесь являлся двуединый интеллектуальный процесс: с одной стороны, замкнутая группа экспертов осознавала себя монопольным носителем уникальных экспертных знаний и административных навыков, а с другой – рос-

³³ Лизунов П.В. Указ. соч.; Татаринов С.В. Финансово-экономические кризисы второй половины XIX в. и Государственный банк Российской империи. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

³⁴ Хок С. Указ. соч. С. 94–95. См. также: Hoch S. The great reformers and the world they did not know: drafting the Emancipation legislation in Russia, 1861 // Everyday life in Russian history: quotidian studies in honor of Daniel Kaiser. Bloomington, 2010.

³⁵ См.: Долбилов М.Д. «...Угадывать волю Вашу»: роль советника в принятии императорских решений в России XIX в. // Пётр Андреевич Зайончковский... С. 403–428.

сийская действительность осознавалась как уникальный объект приложения этих знаний и навыков. Это была та самая логика, которой руководствовался О. Конт: логика отсталости как преимущества, между прочим, хорошо знакомая экономическим историкам. С этой точки зрения, относительная отсталость предполагает большую свободу в использовании ресурсов. Догоняющие страны могут использовать новейшие технологии, не тратя время и силы на их разработку. Политический авторитаризм в этом смысле также может быть преимуществом: концентрация власти способна сделать реформы более динамичными и бескомпромиссными при условии, что власть сконцентрирована в руках технократов, способных использовать это преимущество. «Нет большего несчастья для России, как выпустить инициативу из рук правительства», — настаивал в 1863 г. один из лидеров молодых реформаторов Н.А. Милютин³⁶. События 1856–1859 гг. показали, каким опасным и неконтролируемым может оказаться тот самый «саморегулирующийся рынок», создания которого требовала от них теория. Недостаточное развитие рыночных институтов в итоге было воспринято не столько как подлежащий исправлению недостаток, сколько как колоссальное преимущество России, которое позволяло ей не «догонять», а «перепрыгивать», или вообще двигаться в иную сторону. Финансовый кризис дал реформаторам возможность делать акцент уже не на создании рыночных институтов, а скорее на «ручном» управлении экономикой.

³⁶ Письмо Н.А. Милютина к Д.А. Милютину / Публ. Л.Г. Захаровой // Российский архив. Вып. 1 М., 1994. С. 96.

Личное и групповое землеустройство в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.)

Михаил Давыдов

Individual and group land settlement during Stolypin's land reform (1907–1915)

Mikhail Davydov (The Institute of Economy, Russian Academy of Sciences)

Аграрная реформа Столыпина остаётся одной из наиболее острых и самых политизированных проблем современной историографии, дать сколько-нибудь полноценный обзор которой в рамках статьи, разумеется, невозможно¹. Однако

© 2015 г. М.А. Давыдов

¹ См. историографические обзоры Столыпинской реформы: Дубенцов Б.Б. О спорных проблемах изучения государственной и реформаторской деятельности П.А. Столыпина // П.А. Столыпин и русская история: Материалы научно-практической конференции / Под ред. А.А. Кузнецова. Калининград, 2007. С. 43–65; Зоркова Н.Н. Столыпинская аграрная реформа: история изучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 14. № 2. С. 64–72; Коновалов В.С. Крестьянство и реформы (Российская деревня в начале XX в): Аналитический обзор. М., 2000; *он же*. Россия и аграрный вопрос // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Реферативный журнал. 1999. Вып. 2. С. 24–44; *он же*. Аграрный вопрос в России в начале XX столетия: Об-